

«КИРДЖАЛИ»

«Кирджали» назван Пушкиным в подзаголовке *повестью*. Однако, ни по объему, ни по литературным особенностям «Кирджали» по нашим современным представлениям повестью не является. Несколько эпизодов из восстания этеристов, несколько приключений главного героя образуют материал этого произведения, которое может быть воспринято как «случайное» в развитии пушкинского творчества.

Впечатление «случайности» появления «Кирджали» усиливается тем обстоятельством, что тематически этот отрывок никак не характерен для Пушкина 1834 года. В «Кирджали» Пушкин вновь возвращается на 13 лет назад, к своим кишиневским интересам, к своему почти юношескому, байроническому увлечению национальной революцией народов Ближнего Востока.

Нам нет необходимости углубляться к сложные перипетии исторических событий 1821 года на Балканах. В немногих работах, посвященных вопросу о личности Кирджали, читатель может найти общую характеристику этой эпохи и ее героев. «Это были последние раскаты того политического и военного урагана, который носился над Европой с 1789 года, создал французскую революцию, создал Наполеона, крушил и восстанавливал троны и закончился мертвящей реакцией, возглавляемой „Священным Союзом“» (В. Язвицкий¹). В балканском движении 1821

---

¹ В. Язвицкий. Кто был Кирджали, герой повести Пушкина. «Голос Минувшего». 1919. № 1—4, стр. 45—60.

года смешивались самые различные национальные и социально-политические революционные стремления. Так например греческая этерия¹ под руководством Каподистрии и Ипсиланти боролась исключительно против турецкой власти за национальную и государственную независимость Греции. Иной характер имело движение в Румынии, вождем которого был Владимиреско, происходивший — в противоположность высоко аристократическим греческим вождям — из мелкого румынского дворянства.

Для Владимиреско национальные интересы не имели большого значения. Предводимое им движение носило характер крестьянского восстания против ненавистных румынским и греческим народным массам фанариотов (греческих князей, вассалов Турции) и бояр. Различие стремлений Владимиреско и Ипсиланти привело к разрыву между вождями. В. Язвицкий отмечает неправильную оценку, данную Пушкиным Владимиреско², объясняя это тем, что поэт был полностью увлечен греческой этерией.

Увлечение это было, действительно, сильным и глубоким, хотя и непродолжительным. Так, в письме к В. Л. Давыдову (?) из Кишинева (май 1821 г.) Пушкин восторженно излагает события начала восстания и дает им свою оценку: «Странная картина! Два великие народа, давно падших в презрительное ничтожество, в одно время восстают [от долгого усыпления] из праха — и возобновленные, являются на политическом поприще мира³. Первый шаг Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо на-

¹ Этерия — тайное общество, ставившее своей целью освобождение Греции от турецкого владычества.

² «С крайним сожалением узнал я, что Владимиреско не имеет другого достоинства, кроме храбрости необдуманной — храбрости достаточно и у Ипсиланти» («Остатки из Кишиневского дневника» — Пушкин, собр. соч. под ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 431).

³ Греки и итальянцы, у которых тогда происходило карбонарское движение (примечание П. А. Ефремова — собр. соч. Пушкина изд. А. С. Суворина 1903, т. VII, стр. 30).

чал — 28 лет, оторванная рука, цель великодушная! и отныне и мертвый или победитель он принадлежит истории¹...»

В поэтическом творчестве Пушкина греческое восстание нашло отклик в стихах «Война» (1821), в послании В. Л. Давыдову (1821), в наброске «Восстань, о Греция, восстань» (точная датировка которого не установлена) и т. д.

Но идут годы — и отношение Пушкина к этерии меняется. В черновике письма к В. Л. Давыдову (?) (Одесса, середина 1824 г.) Пушкин уже «принужден оправдываться» в каких-то своих высказываниях по поводу балканских событий. Пушкин не хочет, чтобы его считали «врагом освобождающейся Греции», но общий тон этого неоконченного письма говорит все же о некотором скептицизме поэта по отношению к этерии.

Вполне определенно и совершенно уничтожающе звучат одновременные с этим письмом высказывания Пушкина на ту же тему (лето 1824 г.) в письме к П. А. Вяземскому:

«Греция мне огадила. О судьбе греков позволено рассуждать как о судьбе моей братьи негров; [и] можно тем и другим желать освобождения от рабства нестерпимого; но чтобы все просвещенные европейские народы бредили Грецией — это непростительное ребячество. Иезуиты натолковали нам о Фемистокле и Перикле, а мы вообразили, что пакостный народ состоящий из разбойников и лавошников есть законнорожденный их потомок и наследник их школьной славы²...»

Таковы в кратких чертах основные этапы отношения Пушкина к балканскому движению 1824 года. В «Кирджали» нет, однако, следов ни первоначальной юношеской восторженности, с которой Пушкин встретил события, ни

¹ Пушкин. Письма. Ред. Б. Л. Модзалевского. ГИЗ. 1926, т. I, стр. 21.

² Пушкин. Письма, то же изд. т. I, стр. 85.

позднее наступившего разочарования. Касаясь некоторых лиц и событий 1821 года, Пушкин говорит о них в «Кирджали» с эпически-спокойной объективностью историка:

«Александр Ипсиланти¹ был лично храбр, но не имел свойств нужных для роли, за которую взялся так горячо и так неосторожно. Он не умел сладить с людьми, которыми принужден был предводительствовать. Они не имели к нему ни уважения, ни доверенности. После несчастного сражения, где погиб цвет греческого юношества, Иордаки Олимбиоти присоветовал ему удалиться, и сам заступил его место. Ипсиланти ускакал к границам Австрии и оттуда послал свое проклятие людям, которых называл ослушниками, трусами и негодьями. Эти трусы и негодяи, большею частью, погибли в стенах монастыря Секу или на берегах Прута, отчаянно защищаясь против неприятеля вдесятеро сильнее».

Помимо чисто политического интереса, греческое движение с самого его возникновения привлекало Пушкина и как материал для литературной работы. Мы упоминали выше о непосредственных лирических откликах Пушкина на события 1821 г. Но не менее, чем революционный пафос восстания, интересовала поэта сама «экзотика» событий, их авантюрно-героическая сторона вместе с пестрым бытовым материалом. В Бессарабских воспоминаниях А. Ф. Вельмана² и в статье А. И. Яцимирского «Пушкин в Бессарабии»³ можно прочесть о романтически-азиатском Кишиневе двадцатых годов, где «на

¹ По мнению В. Селинова эта характеристика Ипсиланти могла уже находиться в недошедших до нас листах Кишиневского дневника (В. Селинов. Пушкин и греческое восстание. — Пушкин, статьи и материалы под ред. М. П. Алексева. Одесса. 1926, стр. 5).

Образ Ипсиланти («безрукий князь») был намечен Пушкиным также в X главе «Евгения Онегина» (1830 г.) — как известно, сожженной поэтом и дошедшей до нас лишь в виде шифрованных отрывков.

² См. А. Майков. — Пушкин. СПб 1899, стр. 92—136.

³ Пушкин под ред. С. А. Венгерова т. II, стр. 158.

каждом шагу загорался разговор о делах греческих». Где бы Пушкин ни находился, везде и всегда он глубоко проникал в «местный колорит» страны. И кишиневский период жизни поэта отмечен не только легкомысленно-шутливыми «греческими бреднями», но и серьезным интересом Пушкина к Бессарабии и ко всему Ближнему Востоку. Достаточно только напомнить о «Цыганах».

Яркие образы разноплеменных балканских удалцов, мелькнувшие перед ним (Пушкиным) в Бессарабии, никогда не покидали его впоследствии», — говорит Л. Майков, продолжая далее: «Любопытно, что самая выработка прозаической повествовательной формы связывается у Пушкина с рассказами об этих людях: нас поражает изумительное совершенство ее в сжатом, но картинном повествовании о Кирджали, написанном в пору высшего развития Пушкинского творчества; а за десять лет перед тем, в 1824 году, гениальный автор этой повести, записывая в Одессе воспоминания этеристов Дуки и Пендедеки, еще затруднялся их изложением и жаловался Липранди: „С прозой — беда! Хочу попробовать этот первый опыт“¹. Попыткой своею Пушкин остался тогда не вполне доволен; потому, вероятно, она и не сохранилась в его бумагах»².

Здесь мы подходим к вопросу о непосредственных источниках «Кирджали». Известно, что основной материал о герое этого рассказа был получен Пушкиным от М. И. Лекса, служившего в Кишиневе в канцелярии генерала И. Н. Инзова. Пушкин прямо указывает на источник «Кирджали» в следующих словах рассказа: «Человек с умом и сердцем, в то время неизвестный молодой чиновник, ныне занимающий важное место, живо описывал мне его (Кирджали И. О.) отъезд». К 1821 году относится

---

¹ Русский Архив. 1866 г., ст. 1410 (примечание Л. Майкова)

² Л. Майков, указ. соч. стр. 134.

также недавно опубликованный впервые (Б. Томашевским) стихотворный набросок Пушкина «Чиновник и поэт»¹.

В этом отрывке, казалось бы случайном и неожиданным в кругу лирических и гражданских стихов Пушкина начала двадцатых годов, характерны прежде всего живописные бытовые детали:

[*Чиновник и поэт*]

«Куда вы? за город, конечно,
Зефиром утренним дышать
И с вашей музою мечтать
Уединенно [и] беспечно?»
«Нет, я собираюсь на базар,
Люблю баварное волнение,
Скуфьи жидов, усы болгар
И спор, и [крик], и торга жар,
Нарядов пестрое стеснение.
Люблю толпу, лохмотья, шум
И жадной черни — свободной».
«Так — наблюдаете? — ваш ум
И здесь вникает в дух народной.
Сопровождать вас рад бы я,
Чтоб слышать ваши замечанья,
Но службы долг зовет меня,
Простите, [нам] не до гулянья».
«Куда ж?»

«В острог. Сегодня мы
Выпровождаем из тюрьмы
[По просьбе] [Паше]
За молдаванскую границу]
[Кирджали]».

Эпический замысел, легший в основу отрывка, не соответствует заглавию («Чиновник и поэт»), — впрочем, зачеркнутому Пушкиным уже в этом наброске. Все догадки о том, почему Пушкин не разработал тему Кирджали в форме поэмы, могут быть только произвольными. Можно лишь отметить известную близость приведенного нами

¹ «Звезда» 1930, № 7. См. также полн. собр. соч. Пушкина — ГИХЛ, 1931, т. I, стр. 453.

черновика к некоторым строфам «Братьев-разбойников» и «Цыган» с их этнографическими описаниями.

В 1828 г. Пушкин сделал вновь попытку вернуться к теме Кирджали в другом стихотворном черновике, связь которого с этой темой определяется самым заглавием:

*Кирджали*¹.

В степях зеленых Буджака,
Где Прут, [заветная] река.
Обходит русские владенья,
При [бедном] устье ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
[В убогой дикости] живут,
Храня родительские нравы,
Питаюсь ..... трудом,
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой.

В двух последних стихах этого отрывка содержится намек на дальнейшее развитие темы в сторону событий 1821 года. Несомненно, что и этот набросок является началом неосуществившейся поэмы о Кирджали. Тема эта, как видно, на протяжении ряда лет время от времени возникала в уме поэта.

Н. О. Лернер в примечании к этим стихам² связывает их появление с законченной незадолго перед ними «Полтавой»: «„Полтава“, в эпилоге которой упоминается последняя борьба Карла XII „в стране, где мельниц ряд крылатый оградой мирной обступил Бендер пустынные раскаты“ — возродила в Пушкине воспоминание о Бессарабии. Буджак (по татарски — угол), часть Бессарабии, лежащая между Прутом и Днестром, был хорошо знаком Пушкину. В „Цыганах“ старик вспоминает о тех временах, когда „правил Буджаком паша с высоких башен

¹ Цит. по собр. соч. Пушкина изд. ГИХЛ, 1931. Т. II, стр. 226.

² Пушкин под ред. С. А. Венгерова т. V, стр. XXIII.

Аккермана“. Сам поэт два раза путешествовал по Буджаку...»

Пушкиным было сделано несколько набросков плана — повидимому, различных произведений на одну тему о кишиневском периоде и греческой революции. Но это, вернее всего, планы исторической хроники или мемуарных записок. Приводим один из таких набросков (опубликованный П. О. Морозовым), начинающийся именем Кирджали:

«Кирджали. Эмигранты. Stenka. Скулянская битва. Кантакузен, perdu... Хорчевский, Навроцкий. Битва. Арнаты в Кишиневе»¹.

Почему ни один из этих задуманных Пушкиным прозаических опытов не был осуществлен в начале двадцатых годов? Вероятно, по тем же причинам, в силу которых Пушкин приступил к «смирненной» и «презренной» прозе лишь несколькими годами позднее. Можно поверить приведенному нами выше свидетельству Липранди: еще и в 1824 году Пушкину было «с прозой — беда!»

Пушкин-прозаик начался стремительно и блестяще в 1827-1828 г. г. «Арапом Петра». К теме Кирджали Пушкин подошел уже зрелым мастером прозы, автором «Повестей Белкина», «Дубровского», «Пиковой Дамы». Были и внешние поводы, оживившие в уме поэта кишиневские воспоминания в Петербурге 1834 года: это — встречи Пушкина с бывшим молдавским господарем, князем Михаилом Суццо (в ноябре 1833 г.) и с прежним кишиневским «чиновником» Лексом.

Мы исходим из наиболее достоверного предположения, что «Кирджали» был написан в течение 1834 года (вероятно первой половины года, т. к. к 1 декабря рассказ был уже напечатан в «Библиотеке для чтения» т. VII). Однако, точной датировки рассказа мы до сих пор не имеем. По-

¹ Соч. Пушкина под ред. П. О. Морозова, т. VII. СПб. 1909, см. стр. 45.

этому возможны, конечно, гипотезы и о более раннем (черновом) создании «Кирджали», тем более, что замысел рассказа или вернее тема его относится, как мы видели, к двадцатым годам¹.

Кто же был Кирджали? И почему эта личность заслужила внимание Пушкина?

Рассказ о Кирджали начинается так: «Кирджали был родом болгар. Кирджали на турецком языке значит: витязь, удалец. Настоящего его имени я не знаю».

В. Язвицкий в цитированной нами выше работе подтверждает, что имя «Кирджали» не есть имя собственное, хотя дает иные толкования этого слова. Такое прозвание носили вожди балканских партизан (а иногда и партизаны-одиночки). Повстанческое движение на Балканах возникло еще до этерии — об этом мы читаем и у Пушкина:

«Кирджали своими разбоями наводил ужас на всю Молдавию. Когда Александр Ипсиланти обнародовал возмущение и начал набирать себе войско, Кирджали привел к нему несколько старых своих товарищей. Настоящая цель этерии была им худо известна, но война представляла случай обогатиться на счет турок, а может быть и молдаван — и это казалось им очевидно».

Здесь Пушкин, повидимому, упрощает мотивы действий Кирджали. История балканского движения сохранила

¹ В. А. Мануйлов сообщил нам свое предположение, что «Кирджали» является *первой* прозой Пушкина, носящей те романтические черты, которыми должны были бы отличаться первые прозаические опыты поэта (до нас не дошедшие). Как ни интересна и увлекательна подобная гипотеза, все же для нее имеется слишком мало оснований. Романтический образ «разбойника» Кирджали (см. ниже) мог возникнуть у Пушкина и в 1834 году как своеобразный отголосок кишиневских впечатлений, но возможно также, что цензура не давала возможности придать иную трактовку фигуре балканского партизана (ср. нашу параллель между «Кирджали» и «Дубровским» в конце статьи). Художественные особенности «Кирджали» в целом говорят за то, что рассказ написан уже Пушкиным-историком, т. е. относится именно к 1834 г.

имя одного из «воевод», послужившего прототипом для пушкинского героя. Исследователь вопроса о Кирджали — В. Язвицкий устанавливает, что «Георгий Кирджали, родом болгарин, был видным участником в восстании этеристов, сражался у Прута, был выдан русскими и бежал из-под ареста при помощи ловкой выдумки о кладах, и, наконец, что французские и румынские историки, прусские консулы, Садык-паша (Чайковский) ¹ и Пушкин говорят об одном и том же лице». Таким образом подтверждается достоверность материалов, имевшихся в распоряжении Пушкина, и опровергаются возражения Липранди, считавшего значительную часть рассказа о Кирджали «анекдотом» ². Но на основании данных В. Язвицкого выясняется также, что исторический Кирджали не был повидимому заурядным бандитом, преследовавшим цель наживы. Есть сведения, что в поведении Кирджали значительная роль принадлежала мотивам национального мщения и социального протеста. Болгарин Кирджали был беспощаден к туркам и их агентам — болгарским торговцам и хуторянам.

Пушкин в сущности прошел мимо этих черт подлинного Кирджали. Правда, в рассказе отмечена лояльность героя по отношению к русским и его бескорыстие в боевой обстановке — своеобразная честность романтического разбойника: С тех пор, как я перешел за Прут, я не тронул ни волоса чужого добра, не обидел и последнего цыгана. Для турков, для молдаван, для валахов я конечно разбойник, но для русских я гость. Когда Сафьянос, расстреляв всю свою картечь, пришел к нам в карантин, отбирая у раненых для последних зарядов пуговицы, гвозди, цепочки и набалдашники с атаганов, я

---

¹ Польский эмигрант на турецкой службе, автор романа «Кирджали».

² Липранди указывал на искажения собственных имен и некоторые исторические неточности и пропуски в пушкинском рассказе, приводя вместе с тем свою версию побега Кирджали.

отдал ему двадцать бешлыков и остался без денег. Бог видит, что я, Кирджали, жил подаянием! За что же русские выдают меня моим врагам?»

Кирджали для Пушкина — «разбойник», — разбойник романтический может быть не столько по мотивам и целям своих поступков, сколько в плане авантюрном. Традиционный образ «благородного злодея» в пушкинском рассказе оживлен некоторыми реалистическими чертами. Пушкин «любуется» своим героем, его разбойничьей честностью и хитростью. Отсюда, от этой «привязанности» автора к герою, выпад Пушкина против «начальства, не обязанного смотреть на разбойников с их романтической стороны», и лукавый вопрос читателю — «каков Кирджали?» — в концовке рассказа, тотчас после описания последних «подвигов» героя.

Именно в плане любования автора авантюрными чертами героя находится подробное описание побега Кирджали. Этот эпизод, как показывают исследования, является преданием, выросшим на определенном историческом факте. Пушкинский рассказ построен так, что все предыдущее повествование является как бы введением к эпизоду побега, в котором рассказ приобретает настоящее сюжетное движение и драматизм.

В. И. Селинов¹ указывает, что арест Кирджали и выдача его молдавскому правительству в действительности имели место в первой половине 1823 года, а потому и легенда о побеге Кирджали не могла сложиться ранее этого года, тогда как у Пушкина все эти события отнесены к 1821 году. На основании этого хронологического сдвига и по некоторым другим соображениям Селинов приходит к заключению, что «Кирджали» — не историческая хроника, а повесть, не отрывок, а законченное

---

¹ В. И. Селинов. До питання про джерела повісті Пушкина «Кирджали». — Записки Іст.-Філол. Від. кн. XIII—XIV.

художественное произведение¹. Свои выводы Селинов противопоставляет мнениям П. В. Анненкова, считавшего «Кирджали» «отрывком из записок», и П. И. Бартенева, называвшего пушкинский рассказ «статьей»².

Бартнев говорил, что «Кирджали» содержит «любопытнейшие подробности, собранные и записанные, очевидно, из первых рук». По его же словам, описание сражения под Скулянами «имеет все достоинства подлинной исторической записки».

Мы уже видели, что Пушкин в рассказе о Кирджали был в общем верен основным историческим фактам. Исторический материал подвергся в «Кирджали» той обработке и тем смещениям, которые неизбежны в любой художественной хронике событий, в художественном очерке, в зависимости от «угла зрения», от социальных позиций автора.

Однако, вопрос о жанре «Кирджали» должен, как мы полагаем, решаться не столько на основании исторической точности материала, сколько путем анализа *художественных особенностей* произведения.

С этой стороны «Кирджали» еще совершенно не изучен. Между тем художественные особенности этого рассказа выделяют его на особое место среди других пушкинских повестей и новелл.

Необычна композиция «Кирджали» — спокойное и плавное изложение событий, действительно имеющее характер исторической хроники, однако оживленное многими быто-

¹ Ю. Н. Тынянов в своей книге «Архаисты и новаторы» («Прибой» Л. 1929) на стр. 286 приводит мнение Ю. Г. Оксмана (вполне соглашаясь с ним), что «Кирджали» является отрывком или «программой большого произведения». К этому Тынянов добавляет, что пушкинские черновые программы иногда становились «чистой прозой».

² Характерно, что в собрании сочинений Пушкина под редакцией П. О. Морозова «Кирджали» помещен в томе VII, содержащем «сочинения и заметки исторического содержания» («История Пугачевского бунта» и др.).

выми деталями, «местным колоритом» и порою — юмором автора. Мы встречаем здесь такие подробности, как арнауты «в кофейнях полутурецкой Бессарабии, с длинными чубуками во рту, прихлебывающие кофейную гущу из маленьких чашечек», одетые в «узорные куртки и красные восточные туфли», с «атаганами и пистолетами», торчащими «из-за широких поясов». С этой экзотикой контрастирует комическая фигура чиновника — «краснорожего старичка», который «прищемил оловянными очками багровую шишку, заменявшую у него нос»...

Следует также отметить ту любопытную особенность рассказа, что в нем нет ни одного женского образа, ни одной героини, хотя бы на второстепенной роли. И в этом отношении «Кирджали» является произведением своеобразным и выделяющимся среди всей пушкинской прозы. В отсутствии героини — оригинальность «Кирджали», но с этой же чертой связана, повидимому, *бессюжетность* рассказа или, вернее, его значительной части, подводящей читателя к отмеченному нами выше драматическому эпизоду побега Кирджали.

Но этот эпизод представляет собою композиционно как бы самостоятельную вставную новеллу.

Можно предположить, что «Кирджали» был задуман в виде исторического («партизанского») очерка и лишь в процессе работы приобрел свои художественные черты, ставящие это произведение где-то посредине между историческими работами Пушкина и его художественной (в тесном смысле слова) прозой. Отсутствие рукописи и других материалов не дает возможности выяснить этот вопрос.

Однако, эпическая интонация первых страниц «Кирджали», в частности описание битвы под Скулянами явно родственны стилю исторических опытов Пушкина — напр. «Истории Пугачева», писавшейся одновременно с «Кирджали». Экзотическая же и бытовая «расцветка» рассказа придает последнему характер *художественного очерка*.

Именно это определение следует, повидимому, принять за основу при изучении «Кирджали».

Приведенные нами соображения, конечно, только намечают пути к дальнейшему исследованию этого произведения¹, особенно интересного для нас в связи с современной постановкой вопросов очеркового жанра.

Покойный М. Н. Покровский в своей замечательной статье «Пушкин-историк»² сопоставляет пушкинские образы „бунтовщиков“ — Пугачева, Дубровского и Кирджали.

«Идеализация Пугачева и казачества, — пишет М. Н. Покровский, — есть лишь частный случай идеализации всего, что встает против *централизации* и *чиновничества*: идеалом Пушкина был феодальный режим, „смягченный просвещением“; предметом его ненависти — бюрократическая монархия. Чтобы понять его исторические симпатии и антипатии, нужно взять две его чисто художественные вещи: во-первых, „Дубровского“, вся трагедия которого вытекла из коллизии с бюрократическим строем, во-вторых, „Кирджали“. На этих двух персонажах — одном совсем фантастическом, но „своем“ однословнике, дворянине, бывшем гвардейце, другом — полуреальном, но иностранце — меньше тяготел гнет цензуры. Кирджали мог убивать турецких полицейских — ведь это же были нехристи, неверные. Дубровский мог сжечь „приказных“, оттягавших у его отца имение... А попробуйте представить себе в виде героя крепостного мужика, который жжет барскую усадьбу?».

Кирджали — один из любимых героев Пушкина. За это говорит и та настойчивость, с которой образ этого «разбойника» возвращался к Пушкину на протяжении многих лет. И все же как мы видели выше, фигура Кирджали оказалась в пушкинском очерке своеобразно

¹ Приношу свою благодарность Д. П. Якубовичу и Н. О. Лернеру за некоторые литературные и иные указания.

² *Пушкин*. Полное собр. соч. ГИХЛ, 1933, т. V, кн. 1.

деформированной. При всей любви к своему герою, Пушкин не мог не отнести к нему несколько свысока, как к представителю иного, чуждого поэту класса. Признавая за Кирджали его личные достоинства, Пушкин все же видел в нем одного из вождей бунтующей «черни».

И потому, стремясь к идеализации своего героя, Пушкин только углубил традиционные романтические черты «благородного разбойника». Тем самым пушкинский Кирджали оказался художественно «обезвреженным», лишенным той глубины и социальной остроты, которая свойственна другому пушкинскому романтическому «разбойнику» — Дубровскому. Дворянин Дубровский мог явиться мстителем за поруганную «справедливость», в его поступках могли быть те «высокие» мотивы, в которых поэт отказывал Кирджали.

Конечно, тут следует учесть также все различия материала этих произведений и цензурные условия. Пушкин был повидимому заинтересован в быстром напечатании «Кирджали» (который появился в «Библиотеке для чтения» 1 декабря 1834 г., т. е. в год написания рассказа), а «Дубровский» так и не увидел света при жизни автора и остался не законченным.

ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Серия: „Последние годы
творчества Пушкина“
— 1833—1837 —

Вып. II.

Л Е Н И Н Г Р А Д
1 9 3 4